

10 ФЕВ. 1968 г. . .

...КОГДА в театре начинается рабочий день? По расписанию репетиций — в 10.30. «Хорошо!» — завидуют любители длинных ленивых снов. — Торопиться не надо!».

Но грустно-улыбчивое зимнее солнце еще не прикоснулось к лобастому зданию театра имени М. Горького, а внутри его уже нет тишины. Деловито, иногда чуточку шумновато (театр, эмоции!), но по возможности быстро решаются тысячи мелких вопросов. И крупные — хоть и не тысячи — тоже.

1 февраля с утра волнует главный художник Иван Семенич Григорьев. Ему не сидится в кабинете, потому что по его макету оформления «Последних» уже начали «строить» новую мебель, обивать, «омолаживать» старую, фантазировать над костюмами, париками — «говорищими» деталями прически, которой театр отметит столетие великого Горького и который рождается уже сейчас.

В партбюро собираются коммунисты, чтобы обсудить ход выполнения социалистических обязательств коллектива, план работы партийной организации. Заседание бюро закончилось, Виллиан Зиновьевич Шатуновский спешит, но еще не на репетицию. Он успеет повидаться с членами общества болгаро-советской дружбы, обсудить, как лучше организовать художественную выставку «Плещев — Ростов».

Солнце все ближе к 10.30. Те, у кого сегодня с утра не было общественных забот, или кто хлопотал по депутатским или иным важным делам далеко от лобастого театрального здания, спешат к нему.

10.30. Звонок. Ну, вот и начался рабочий актерский день!

— А он знает, что ты — сын Коломийцева? — с тревогой и тайной надеждой, что хоть сын поймет, где правда, в чем она, спрашивает женщина

на с тонким усталым лицом пытливого юношу.

— Ну, конечно! — горячо отвечает сын. — Сып Коломийцева... Ты говоришь об этом, как о заразной болезни! — Стоп, стоп, Боря! — останавливает артиста Немыкина главный режиссер театра, постановщик «Последних» Михаил Михайлович Ваховский. — Не торопись. Вдумайся в вопрос матери, пусть настоит тебя и пытливые, знающие глаза сестры — Надежды, которой уже ясно, что ваш отец — ничтожество, трус, вешатель. Оцени, не сразу при-

## ЗАВИДУЙТЕ АКТЕРУ!

ди к мысли о «заразной болезни». — А вы, товарищи, — обращается режиссер к Елене Архиповне Кузнецовой, готовящей роль матери, ко всем мастерам, занятым на репетиции, — вы чаще тормошите Бориса. Он ведь у нас самый молодой актер, а сыграть должен хорошо. Такая уж у него ответственная роль!

Они все ответственные — роли в «Последних», в пьесе, беспощадно обнажающей духовное и социальное распадение дворянства в начале века, в пьесе, насыщенной многими нравственными проблемами, которые справедливо относят к разряду «вечных».

И у Брехта, выдающегося немецкого писателя, театрального деятеля и антифашиста, в его «Добром человеке из Сезуана» каждая роль — громадна, сколько бы слов и минут ни отводилось ей. «Брехтовцы» репетируют на сцене. И здесь то и дело слышится голос режиссера — дипломакта Сергея Васильевича Пономарева, воспитанника Ю. А. Забдского:

— Минуточку! Пожалуйста, еще разок это место!

13.30. Репетиции заканчиваются. В конце их — сообщение: завтра с утра во Дворце

искусств ВТО состоится доклад старшего научного сотрудника института мировой литературы В. И. Ворщукова о характерах и проблеме цельности личности в творчестве Горького. Понедельник — поэтика Брехта. Читает доктор философских наук Ю. Б. Борев...

Актеры расходятся по домам. Спешатся, для того, чтобы отдохнуть перед вечерним спектаклем. Но роль ведь не уходит из твоего сердца, как только часы покажут 13.30. Она неотступно следует за актером.

19.00. Театр сияет огнями. Сегодня в 34-й раз за этот сезон идет «Чрезвычайный посол». А одновременно с ним — первая чутка комедия Витора Павловича Покровского «Как я отдыхал». До сих пор на репетициях он бывал в качестве актера. Сегодня — как автор пьесы.

А пока здесь идет внакомство с третьей пьесой, в работе над которой сегодня заложены «первый камень», я кабинет заместителя директора театра Леонида Самойловича Руманова кипит спором о том, как лучше оформить фойе к предстоящему смотрю молодежи. Чуточку шумновато (театр, эмоции!), но деловито.

Нет, пожалуй, не перечислишь всего. Нельзя же обойти молчаньем, как ломает голову редколлегия стенгазеты (лучшей среди театров области!) над тем, как острее и точнее сделать очередной номер. Как ежедневно приходят то школьники, то студенты, как звонят из училища или с завода:

— Хотим встретиться с актерами! Нельзя ли в субботу?

Их очень много — мелких и крупных «что» и «как».

К полуночи в театре воцаряется тишина. Ушли последние гардеробщицы и актеры, остались пожарные, дежурные слесари, электрики, вахтер. Но взгляните домой к любому из тех, кто называется в театре «творческий работник». Он читает новейший роман или пьесу, международный обзор или критическую статью. Или роль. Пока не начнет спать, когда актер заснет, ему не будут сняться длинные, ленивые сны. Чаще всего ему снятся что-то такое, что тревожит и будит фантазию. И имеет прямое отношение к роли.

Завидуйте актеру! Однажды начавшись, никогда не кончается его прекарный и трудный рабочий день!

Н. КИДИНА.